

WHAT COMMUNISTS KNOW THAT LIBERALS DON'T, ИЛИ О НЕКОТОРЫХ СТРАТЕГИЯХ В ИДИОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

П. В. Феденко

Прежде всего, название. Англоязычная его часть представляет собой аллюзию на заголовок работы Джорджа Лакоффа, *Moral Politics: What Conservatives Know that Liberals Don't*. Впрочем, надо признать, что за Лакоффом можно было бы последовать куда дальше, чем это делается в данной работе.

Вряд ли есть необходимость специально разъяснять, как понимаются коммунисты, но термин «либералы» действительно может наполняться самым разнообразным содержанием. Здесь мы некритически следуем употреблению этого термина, принятому в современной России. По-видимому, в него вкладывается существенно иное содержание, нежели в Соединенных Штатах, в частности, у Лакоффа. Насколько иное, -- вопрос, требующий отдельного рассмотрения и не относящийся напрямую к настоящей работе.

Понятие идиополитического дискурса было предложено в одной из недавних работ П.Б. Паршина. Оно мыслилось как выявление психологической реальности дискурсов различных субъектов политического действия, иными словами, выделения таких черт этих дискурсов, которые реально воспринимаются потенциальными адресатами.

Дискурсивные стратегии

Вместе с тем здесь ракурс несколько меняется. Политические дискурсы не существуют имманентно; скорее, они вводятся в действие, когда говорящие ощущают потребность в сигнализации своей принадлежности тем или иным устойчивым группам – институтам. Указанные интенции отражаются в определенной линии поведения, в том числе лингвистического.

Отсюда дискурсивные стратегии. Понятие дискурсивных стратегий – как и понятие дискурса – восходит к различным исследовательским традициям; наиболее заметное место оно занимало, по-видимому, в *Discourse Strategies* (1982) Джона Гампера. Гамперс, тем не менее, этот термин не определяет – впрочем, и термину «дискурс» определение дается – если дается – у разных авторов по-разному.

Меж тем – ср. Jaworski & Coupland 1999: 1-3 – во многих определениях можно усмотреть отсылки к использованию языка. Этот элемент, можно думать, соотносится с концептом стратегии: коль скоро язык рассматривается в инструментальных терминах – не *pour elle-même* – очевидно, что он может ставиться на службу каким-то целям, при этом может оказаться целесообразно сделать его объектом определенного рода планирования.

Методологические отличия

Планы говорящего, однако, могут нарушиться. Почему? Очевидно, по разным причинам: коммуникативные неудачи – полезную типологию можно найти в Городецкой и др. 1985 -- могут вызываться различными факторами. Простейшие случаи, пожалуй, сводятся к *uncooperativeness* адресата – прямому отказу ответить на вопрос, выполнить просьбу и т.п., либо преднамеренной неискренности. Но возможны – и, в общем, более типичны – коммуникативные неудачи, связанные с неудачной вербализацией.

Опять же, простейший случай – простейший потому, что, по определению Goffman (1976), нарушает системные, а не ритуальные ограничения устной коммуникации – это говорение на языке, неизвестном адресату. Паршин (2000) проводит множество параллелей между идиоэтническими языками и идиополитическими дискурсами. Мы исходим из того, что так же как носители различных идиоэтнических языков могут не понять друг друга, политические

субъекты, реализующие различные дискурсы, не найдут взаимопонимания. Верно, что носители сравнительно близких идиомов понимают друг друга лучше, нежели носители далеких; то же в случае, если один или оба участника знают язык другого хотя бы отчасти. Но верно и то, что субъекты разных дискурсов, пусть даже говорящие на одном идиоэтническом языке, понимая большую часть того, что они говорят, все же – не найдут общего языка.

Отсюда следует, что «контуры эксперимента», по выражению из Паршин 2000, несколько меняются. Паршину они видятся как опрос потенциальных реципиентов анонимизированных политических текстов, авторство которых им предлагается восстановить. В нашем случае предусматривается идентифицировать субъектов различных дискурсов.

Идентичность политиков, реализуемая в идиополитическом дискурсе, -- это, иначе говоря, членство политика в некотором политическом институте. Институты вообще отличаются свойством влиять на поведение своих членов таким образом, что его невозможно обосновать без отсылки к целям данного института: необходимость ходить строем не поддается обоснованию для человека, не связанного уставом института вооруженных сил. Надо ли уточнять, что идентичность реализуется в дискурсе – вообще говоря, всегда.¹

Ситуация коммуникативной неудачи в публичном диалоге, поэтому, представляет собой свидетельство *prima facie* межинституционального конфликта.

Почему публичный диалог? Политика – публичное дело; как отмечает Scruton (1996: 441-442), различие между приватным и публичным для целей политической мысли «обозначает раздельные, но пересекающиеся сферы деятельности: приватное – это сфера личной нежности, личной антипатии и индивидуального удовлетворения, тогда как публичное – это на самом деле две сферы... гражданское общество и государство».²

Кроме того, в публичной коммуникации особенно резко очерчивается идентичность участников. Вступление в интеракцию налагает обязательства на интерактантов, но в случае публичной коммуникации состав этих интерактантов принципиально отличается от коммуникации приватной и, как представляется, ведет к иному соотношению обязательств. В процессе приватной, межличностной коммуникации индивиды обычно стремятся приспособливаться друг к другу. «Совокупным эффектом правила самоуважения и правила чуткости (*considerateness*) является то, что личность имеет тенденцию вести себя (*conduct himself*) во время встречи (*encounter*) таким образом, чтобы поддерживать как свое собственное лицо, так и лицо других участников. Это означает, что линии, принятой каждым из участников, обычно дозволяется возобладать, а каждому участнику дозволяется отыграть ту роль, которую он по всей видимости выбрал для себя. Устанавливается состояние, в котором каждый временно принимает линию всех остальных. Такого рода взаимное принятие представляется базовой структурной особенностью интеракции, особенно интеракции разговора лицом к лицу (*face to face*). В типичном случае это «рабочее» принятие, а не «настоящее», поскольку оно зачастую основывается не на согласовании откровенно выраженных, прочувствованных оценок, но на готовности временно на словах поддержать суждения, с которыми участники на самом деле не согласны» (Goffman 1967: 308). Ясно, что в приватной коммуникации имеются различные категории адресатов (ср. Goffman 1976: 274-275). Но в публичной коммуникации всегда бывает некоторое число говорящих, которые поддерживают подобие обычной межличностной беседы, – назовем их, чуть преувеличенно, ораторами – и неограниченное число слушателей, которые никогда не вступают в разговор, но заведомо наделяются правом слушать говорящих. В действительности, участники публичной дискуссии предназначают свои реплики в первую очередь для этих слушателей – для публики. При этом они бывают куда меньше поглощены заботами, связанными с ритуалом сохранения лица других ораторов, который как раз наводит необходимость сотрудничества (ср. Goffman 1967), и при случае могут пользоваться работой над лицом (*face-work*) агрессивно, не считаясь с их чувствами. Как следствие, ораторы менее чем кто-либо зависят от других в работе над своим лицом.

¹ Дискурс, разумеется, можно понимать как сугубо вербальную коммуникацию, может быть с привлечением такой части параллельных/сопутствующих экстралингвистических сигналов, какая представляется совершенно необходимой для описания диалога. Это чрезмерно узкая трактовка, но в сущности она не меняет дела, поскольку и в вербальной части диалога индивиды всегда сигнализируют свою идентификацию. С другой стороны, если – когда – коммуниканты, скажем, носят на теле какие-то знаки своей идентичности – военные знаки отличия, бэджи на конференциях и других мероприятиях, татуировки заключенных, прически членов неформальных группировок и пр., они все равно тем самым реализуют дискурс той группы, к которой они принадлежат. Не говоря уж о том, что эти знаки естественным образом оказываются предметом разговора именно в силу указанного свойства диалога. Ср. Goffman 1967.

² Перевод здесь и далее мой.

Нарушение коммуникации как столкновение дискурсов

Программа «Свобода слова» на НТВ 19 апреля 2002, на наш взгляд, может проиллюстрировать то, как встреча индивидов, являющихся субъектами различных политических дискурсов, способна привести к столкновению и значительной потере лица для них всех, будто бы даже при отсутствии изначальной установки на конфликт. В той программе встретились Анатолий Чубайс, признанный лидер либеральной партии Союз правых сил, и несколько коммунистов, в числе Валентин Павлов, бывший министр финансов СССР, и Сажи Умалатова. Антагонизм между представленными политическими силами общеизвестен.

Павлов давно ушел из политики и вряд ли имел какие-то текущие разногласия с Чубайсом. Тем не менее диалог между Чубайсом и Павловым расстроился; в определенный момент Чубайс как будто обиделся.

[Павлов:] Значит, Анатолий Борисович, я понял из вашего ответа, что на первый вопрос - вы удовлетворены тем, что вам обозначены цели. Раз нет анализа причин, то и, как бы, вас это устраивает. Вот я думаю, что как профессионал, как экономист, финансист, как хотите, просто, как хозяйственник, мне вот такая «просто постановка задачи» поэтому и напоминает решение съезда, когда от меня требовалось выполнять, а не думать, можно это, правильно или нет. Поэтому я, например, сомневаюсь, я вам еще раз повторяю, сомневаюсь во многих оценках, которые даны Президентом. Я, например, сомневаюсь, что у нас жизненный уровень в прошлом году вырос, реальные доходы населения повысились на 6%, при том, что объем производства национального дохода возрос где-то на 4-5, и на 14% увеличилась, как минимум, инфляция. Это значит, что надо было производство в текущих ценах увеличивать на 20%. Этого не было. И внешнеторговый баланс об этом свидетельствует, что и из-за границы ничего не пришло, мы расплачивались по старым долгам. Ну, вас сейчас это устраивает, значит устраивает. И следующий вопрос...

[Чубайс:] ... что устраивает? Понимаете, Валентин Сергеевич...

[Павлов:] Нет, Анатолий Борисович, вы же не ответили на мой вопрос. Я объясняю, почему меня не устраивает ваш ответ.

[Чубайс:] Да нет, наоборот, я ответил. Я просто ответил не так, как вы бы хотели, чтобы я ответил. *Ну*, извините я отвечаю так, как я думаю.

По всей видимости, Чубайса задело не столько содержание реплик Павлова, сколько его манера ведения диалога (пользуясь удобной систематизацией Деборы Шиффрин, дискурс имеет свойство образовывать структуры, передавать смыслы и осуществлять действия (Schiffirin 1987: 6)). Несколько раньше Чубайс жаловался, что Павлов говорит одновременно с ним:

[Чубайс:] Валентин Сергеевич, я на ваш вопрос отвечаю. Можно я на ваш вопросу отвечу?

[Шустер:] Анатолий Борисович ответит. Валентин Сергеевич, вас просто не слышно.

[Чубайс:] Стараюсь вас не перебивать. [...]

В рассматриваемом отрывке эта ситуация повторилась. По-видимому, Чубайс воспринял такое поведение как представляющее довольно серьезную угрозу для его лица. Ну показывает, что Чубайс сам дистанцируется от поверхностно кооперативной реплики (Феденко 2002: 573-574).

Досада Чубайса, видимо, объясняется тем, что ему поведение Павлова кажется агрессивным и направленным непосредственно против него. Но в действительности, как представляется, Павлов просто следовал прежним представлениям о речи в прямом эфире. В советские времена, помимо нечастых интервью и выступлений на всевозможных мероприятиях, транслируемых по телевидению и радио, руководитель мог в прямом эфире отвечать на вопросы граждан – при этом он мог при случае жестко раскритиковать отдельных граждан, так же, как если бы они пришли на прием к нему в кабинет. Похожим жанром было нечто вроде селекторного совещания в прямом эфире между начальником и подчиненными «на местах». Президент Лукашенко в Белоруссии, насколько можно понять, практикует нечто подобное по сей день.

Видя несоответствие формы сообщения содержанию, Чубайс выводит из реплик Павлова недружественный умысел – явление, классически описанное в Gumperz 1982.

Павлов также был «большим начальником» в последние годы существования СССР (когда эти жанры в последний раз расцвели, ибо очевидно их удобство для советской политики «гласности»). По всей видимости, не воспринимая ситуацию как интервью, он вошел в роль начальника, распекающего подчиненных на селекторном совещании. Именно в такой ситуации говорящий вполне может позволить себе перебивать. И вообще может позволить себе очень многое.

«Руководители-коммунисты проецировали себя как людей жестких, и этот образ в основном соответствовал действительности. Они культивировали безапелляционный стиль командования, рывкали приказы, требовали

немедленного исполнения без разговоров, и постоянно обращали внимание на советский аналог итоговой строки в бухгалтерском балансе (*bottom line*), заключающийся в достижении плановых показателей любой ценой. Консультации и раздумья были признаком слабости; руководитель должен быть решительным.

В самых худших случаях такой управленческий стиль включал в себя постоянные нападки (*bullying*), повышенный тон разговора (*bluster*) и брань. «Он очень груб по отношению к рядовым коммунистам. Крик у него единственная форма общения с людьми», писал критически настроенный автор об одном партийном должностном лице в Ярославле. Он «любит похвастаться своими талантами перед окружающими», кричит на людей и выставляет их из своего кабинета без всяких на то оснований, говорилось в другой жалобе, направленной против начальника отдела в ленинградском горкоме партии. «В отделе стоит сплошной мат (*A cloud of cursing hangs in the air of the department*). Недаром не хочет начальник отдела брать женщин на службу (*for clerical work*)»» (Fitzpatrick 1999: 31).

Эта характеристика советского бюрократа относится к 1930-м гг. Но, как отмечает сама Фицпатрик, Никита Хрущев, Леонид Брежнев и большинство членов брежневского политбюро сделали стремительную карьеру именно в этот период. Эти черты советских бюрократов – следствие их некомпетентности, но постоянные чистки тридцатых годов лишь усугубили низкий профессиональный уровень советских управленческих кадров. Мы не хотим обвинить в некомпетентности Павлова, но сам этот стиль поведения руководства, без сомнения, пережил сталинизм и должен был быть хорошо ему знаком.

Джон Гамперс приводил убедительные доказательства того, какое влияние стиль афро-американских проповедей оказал на риторику чернокожих политических и общественных деятелей, и показал как некоторые из особенностей этой риторики при случае приводили к непониманию, когда чернокожие ораторы обращались к смешанной аудитории. В самой по себе связи между афро-американскими проповедями и афро-американской же политической риторикой Гамперс не видит ничего удивительного, ведь «в тех условиях, в каких жили чернокожие, религиозные организации были [для них] главной формой общественной организации (*community organization*)» (Gumperz 1982: 198). Но если для чернокожего оратора примером для подражания был проповедник, то для коммуниста, по всей видимости, именно комиссар в пыльном шлеме. Внешние черты, разумеется, ушли вместе с первым поколением большевиков – большевики с подпольным прошлым, как известно, составляли основную мишень террора 1930-х гг. Но коммуникативный стиль, по-видимому, сохранился.

Очевидно, что этот стиль появляется у Павлова отчасти помимо его воли. Вообще-то он старается вести аргументированную дискуссию. Именно поэтому он подробно разъясняет, что именно его «не устраивает» в Послании Президента. Но так продолжается, пока он излагает собственные соображения на этот документ. Как только он переходит к доводам оппонента, упорядоченная логика отключается.

Не вполне понятно, например, как сопоставить собственные выкладки со словами Чубайса. Но ничего страшного: можно сказать ну (тем самым гарантировать релевантность того, что следует дальше) и упрекнуть Чубайса: вас сейчас это устраивает, значит устраивает. Полный смысл этой реплики, надо признать, и правда неясен, так что последовавший вопрос Чубайса что устраивает? представляется вполне оправданным. Но власть развращает: Павлов начинает уже явно злоупотреблять полномочиями гаранта (ср. Goffman 1976: 268). Когда Чубайс возражает, Павлов вопреки всяким нормам речевой коммуникации отказывает ему в праве говорить (приводимая им причина явно неубедительна). Так затыкать рот в русскоязычном сообществе мог (может), пожалуй, только советский бюрократ.

Говорить и молчать: заключение

Мишель Фуко очень уместно обобщил, что нельзя провести какое-то бинарное различие между говорением и молчанием. Не бывает простого навязывания молчания: на самом деле это иной режим дискурсов. Молчание – это не столько абсолютный предел дискурса, сколько элемент, функционирующий наряду с тем, что говорится, в рамках всей стратегии в целом. Существует не одно, но много молчаний, и они суть неотъемлемая часть стратегий, которые лежат в основе дискурсов и пронизывают их насквозь (Foucault 1978: 518).

Факт того, что *sum tacent, clamant*, хорошо известен в анализе бытового диалога и других близких направлениях (ср. Goffman 1976: 272). Для идиополитического дискурса коммунистов характерна дискурсивная стратегия «затыкания рта»: «начальник», т.е. всякий облеченный какой-либо властью, остальные молчат. Почепцов (1999) указывает, что вся публичная коммуникация в СССР была построена на модели монолога, которая не допускала возможности самостоятельного поведения оппонента и самостоятельного решения аудитории.

В этом качестве, думается, она пережила падение тоталитаризма (ср. Гудков, Дубин 2002). Инструментальные стереотипы – в отличие от идеологий – вообще вещь куда более устойчивая.

Литература

1. Fitzpatrick, Sheila, *Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, 1999
2. Foucault, Michel, *The incitement to discourse*//Jaworski & Coupland 1999, pp. 514-522. (Originally published: Michel Foucault, *The History of Sexuality: An Introduction*, Translated by Robert Hurley, London, 1978) (Французское издание 1976)
3. Goffman, Erving, *On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction*//Jaworski & Coupland 1999, pp. 306-320 (Originally published: Erving Goffman, *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, Garden City, N.Y., 1967)
4. Goffman, Erving, *Replies and responses*//*Language in Society*, vol. 5, no.3, 1976, pp. 257-313
5. Gumperz, John J., *Discourse strategies*. Cambridge etc., 1982
6. Jaworski, Adam, and Nikolas Coupland (eds.), *The discourse reader*. London, New York, 1999
7. Lakoff, George, *Moral politics: What conservatives know that liberals don't*. Chicago etc., 1996
8. Schiffrin, Deborah, *Discourse markers*. Cambridge etc., 1987
9. Scruton, Roger, *A dictionary of political thought*. L., 1996
10. Городецкий Б.Ю., И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова. *К типологии коммуникативных неудач*//Диалоговое взаимодействие и представление знаний/Под ред. А.С. Нариньяни. Новосибирск, 1985
11. Гудков Лев, Борис Дубин, «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов. www.polit.ru/docs/474868.html, 20/06/02
12. Паршин П.Б.. *Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике*//Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. В 2-х тт. Т.1 Теоретические проблемы. Протвино, 2000, с. 229-234
13. Почепцов Г.Г. *Спиндоктор, который умеет «лечить» события*. М., 1999
14. Феденко П.В. *Опыт контекстно-семантического описания дискурсивного маркера ну*//«Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Труды международного семинара Диалог'2002. (Протвино, 6-11 июня 2002 г.). В 2-х тт. Т. 1 Теоретические проблемы. М., 2002, с. 566-580